

Мстислав
РОСТРОПОВИЧ:

«Я дорвался до России»

Заран и сирма - 1995-29 апр. - 6 мая (N 16) - с. 15-16.

Читатели «ЭС» со стажем, вероятно, помнят номер нашей газеты (тогда еще по порядку только лишь седьмой!), ознаменовавший данным шаржем приезд в Москву живого Ростроповича 18 лет спустя. Он шагнул на родную землю и бодр, и весел. А через полтора года вернулся в столицу умирать — под гусеницами серых машин, несущих человечеству беду и ужас. Однако, не только сам не погиб, но и Россию спас. И совершенно живой, сидя на ступеньках Белого дома, выпивал встать с корреспондентами «ЭС» из фляжки, раздобытой актером Борисом Хмельницким. «Назвался груздем...» — заявил тогда Ростропович и слово гражданина держит по сей день.

Уже почти никто из москвичей не удивился, когда в минувшее воскресенье с сумкой через плечо, по московскому избирательному участку бодро прошагал живой Ростропович.

— Переходите на сочинение музыки, — предложил мне Мстислав Ростропович в светлое утро воскресного референдума. Поскольку дуэт Ростроповичей — Вишневы, глава которой прибыл в Москву «голосовать за Россию», знаком с газетой «ЭС» с недалеких путчевских времен и читал несколько ее прозаических изысканий в свой адрес,

подобная идея могла быть и намеком на профбезнадежность.

— Вовсе нет, — возразил на мое предположение Ростропович, — просто музыка, куда эффектнее слова. Представьте себе такое милое музыкальное начало для изящной пьески. Чутьочку эпичное, но в целом совершенно лирическое по духу. Воскресное утро. Вы при-

ходите на избирательный участок. Еще немного народу. Толпа журналистов. Чуть поодаль, задумчиво стоит Ростропович. В руках несколько заполненных бюллетеней. О чем он думает? А вся пьеса может называться «Ростропович у урны».

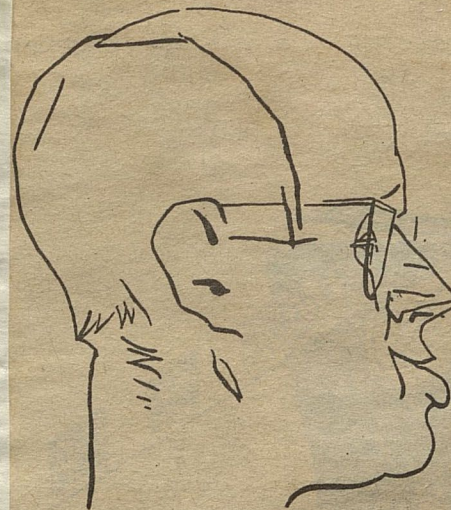
— Это чем-то, извините, Мстислав Леопольдович, схоже с «Аскольдовой могилой».

— С чем? Нет! Я же сказал: изящная, лирическая пьеска с чутьочку эпичным началом. Не подкупает глубина замысла? Понятно, значит вы предпочитаете вопросы типа...

— Какой ваш любимый анекдот эпохи застоя, Мстислав Леопольдович?

— Э... Да вот: приходит Дзержинский к Ленину... Впрочем, далее все не для дамских ушей. Да, и вообще не для ушей.

— А для ушей есть!

— Нет. И времени рассказывать тоже нет. У меня на учете каждый миг. Это в пучк была масса времени. Я три дня обдумывал, что им сказать напоследок, когда будут вязать, и ничего больше не делал. А сейчас я, как нельзя более, занят и деловит. Знаете что, снимите в нашей пьесе эпическое начало, придадим ей рабочий ритм.

— Вы зачастили в Россию. Еще и месяца не прошло, как вы приезжали в последний раз. Кстати, пожертвовали деньги на детскую больницу.

— Знаете что, я очень не люблю перечень своих заслуг: был, оставил, помогал. Вы же сами прекрасно понимаете, какая эта помощь — капля в море. Существует такая формула, такой Сократ шиворот навыворот: чем больше я делаю, тем больше осознаю, как мало я делаю.

— К вашей непосредственной работе это тоже имеет отношение?

— Нет, хотя в какой-то степени возможно. Но я говорю о том, что вы в нашей «пьеске» наверняка назовете милосердием. Заниматься милосердием в сегодняшней России очень больно. Когда видишь этих детишек. Сирот или инфицированных СПИДом. Кто-то не выживает. Кто-то выживает. Но что такое их будущее — прошение милости в переломах? С одной стороны, хорошо, что они этого не понимают. С другой, страшно, что я это предполагаю.

— Вернемся к событиям нынешнего

Мстислав
РОСТРОПОВИЧ: «Я

воскресенья. Вы, Мстислав Ростропович, человек безупречного в новые времена авторитета, приехали в Москву поддерживать Президента!!

— Я приехал голосовать за Россию.

Легче всего дышится в настоящих экстраординарных условиях. Вот, к примеру, трянем стариной: сидел я как-то в Белом доме в одну прохладную августовскую ночь. За окном, кроме дождя, — танки, юрки и твой народ, готовый сложить голову. За что? Очень просто — за свободу. И было ясно даже самому неопытному гражданину, что такое гражданская совесть, что такое свобода и что такое народная честь. Все ясно. И плавное, как дважды два — четыре, ясно, кто свой, кто чужой. Сейчас полная чертовщина. Но мне все-таки ясно, даже в полной чертовщине и жесточайшем хаосе, что я поддерживаю Россию. Не поддерживаю, по мере сил заряжаю тот аккумулятор, который питает меня. Я жив Россией. Это не подвиг, не порыв, это обычное логическое действие: я дорвался до России и теперь держусь за нее обеими руками.

— И все же со стороны, например, со стороны телеэкрана, мы выглядим очень страшно. Мне звонят друзья из разных, более цивилизованных миров. В телефонной трубке — ужас.

— Когда человек смотрит со стороны на чужую кровоточащую рану, — это одно дело. Мы с Галиной Павловной смотримся в телевизор, где что-то говорят о России, как в зеркало. И потом, я думаю, знаете, в чем главная разница между той Россией, из которой нас с Галиной Павловной фактически выжили, и той, которая нас сейчас приняла как собственное национальное достояние. Той, внешне более привлекательной и внешне более сытой, но тяжелобольной на самом деле, не прозимо пойти на поправку. А у этой России, босой и грязной, и тоже, бесспорно, тяжелобольной, шансы есть.

— Что сказала вам Галина Павловна, узнав, что вы опять летите поддерживать родину? Или вы отправились тайком, якобы в банк?

— Ну, знаете, есть разница: в августе 91-го я ехал умирать под танки. Слава

дорвался до России»

Богу, сегодня здесь я могу только что ногу ненароком подвернуть на жутком асфальте. Я улетал на выборы, фигурально выражаясь, под бдительно-одобряющим оком Галины Павловны. Должен вам сказать, у нас с ней всегда были единые политические пристрастия, за что собственно в досточтимые времена нас и лишили обоих гражданства.

— Раньше у меня был некий свой взгляд на эмиграцию, по-моему, совершенно абсурдный. Я полагала, что воистину Россию потеряла самая первая эмигрантская волна, послереволюционная. Они действительно уезжали из России. А что теряли шестидесятники! Задерганную, запуганную, задрипанную страну. Узурпированную, без надежды на воскресение. Сейчас, все эти рассуждения кажутся мне несостоятельной ерундой. Куда не пойдешь, везде Мстислав Ростропович или Василий Аксенов, или еще Некто, безвозвратно уехавший!

— Какая разница, в какую эпоху ты уезжаешь из страны. Все уезжали, от березок, извините, любимый эмигрантский припев! От Чехова и Достоевского. От Чайковского и Мусоргского. А не от здания Министерства культуры. Истинная ценность отличается от ложной испытанием времени. Чехов еще сто веков проживет, а мин. культ рассыпался. И я готов сколько надо ездить и вытирать эту пыль, чтобы она не порошила и не засыпала Чехова и Чайковского.

Смотрите, какая непредсказуемая вещь — участь человека. Те, кто уезжал до революции, верили, что вернутся и не вернулись никогда. Мы уезжали, понимая в глубине сердца, что — это на всю жизнь. И вернулись. За одну такую нечаянную радость я готов ездить и расчищать грязь столько, сколько надо.

— И все же странное это понятие — патриотизм. Демократия открыла границы, породила возможность контрактов, и лучшие таланты России разъезжаются спешно по планете. С одной стороны, долгожданное время свободы — и ты в цивилизованном мире, и твоя Россия под боком. Сел в самолет — через пару-тройку часов светят тебе гранитные звезды родного Кремля. С

другой стороны, этот рейс можно и отложить на неопределенное время.

— А что делать. Говоря о судьбах людей искусства, надо понимать, каких сумасшедших жертв это искусство требует. Полагаю, вы верите мне на слово! Но речь идет лишь о священных жертвах. Или страшных. Паганини продал душу за свое ремесло. Говорят, Гоголь был наказан творцом за то, что усомнился в своем высшем предназначении — писательстве. Эти жертвы — род высших материй. А испытание куском хлеба... Хотя, может и хлебом единым быть жив человек, творя свое дело. Испытание невозможностью творить дело — вот страшная обезоруживающая, обескураживающая вещь. Художник прежде всего должен быть Художником, а не борцом за дела, правые, левые, средние. Поэтому пусть он едет и работает. Его жертва в самоотречении. И не стоит бояться, что славянский талант растворится в мировой сокровищнице. Русский, живущий в Европе или невест где, все равно русский. Ну не бывает второй родины! И кто бы из наших там не станцевал, не написал, не сыграл, он останется русским, и искусство его останется русским. В крайнем случае его назовут вселенским гением, как Нуреева. Ну это уже дело другое. Русские за границей создают свое искусство, чтобы затем вставить его как в дорожную раму в Россию. И потом вокруг российского человека за границей сохраняется такое специфическое поле, в котором пахнет Русью как свежим хлебом. Вы когда-нибудь были на Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем? Там Франция прерывается — там большое российское поле — соединение карм успших.

— Мстислав Леопольдович, мы впрямую вышли на тему российской ностальгии. Я хотела избежать ее по причине некой банальности, но видимо это закономерный виток нашего разговора. Все пути ведут в ностальгию, хотя вы и оппозиционировали ее образ до неузнаваемости.

— Разве же я скрываю, что меня тянет в Россию!

Беседу вела
Натэла МЕСХИ.